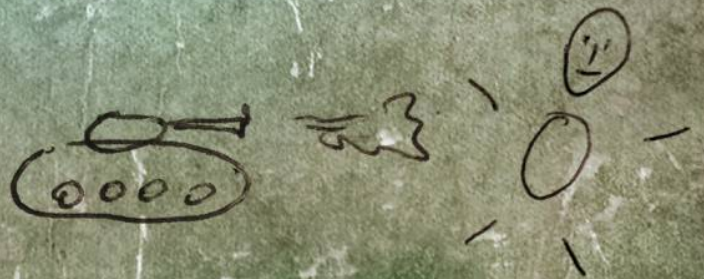

18+

Михаил Елизаров

МУЛЬТИКИ

Читальня Михаила Елизарова

Михаил Елизаров

Мультики

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Елизаров М. Ю.

Мульттики / М. Ю. Елизаров — «Издательство АСТ»,
2010 — (Читальня Михаила Елизарова)

ISBN 978-5-17-123304-4

Михаил Елизаров — прозаик, музыкант, автор романов “Земля”, “Библиотекарь” (премия “Русский Букер”) и “Pasternak”, сборников рассказов “Ногти” (шорт-лист премии Андрея Белого), “Мы вышли покурить на 17 лет” (приз читательского голосования премии “НОС”). «"Мульттики" — самая впечатляющая метафора перестройки из тех, что я знаю. Роман-комикс по сути являет собой классическую для русской литературы модель "романа воспитания". Только наоборот». (Алексей Колобродов)

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-123304-4

© Елизаров М. Ю., 2010
© Издательство АСТ, 2010

Михаил Елизаров

Мультитики

© Елизаров М.Ю.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

В мае восемьдесят восьмого года я закончил седьмой класс, сдал на четверку экзамен по алгебре и навсегда простился с родной школой. С сентября меня ждал другой город и новая неизвестная жизнь. Родители после долгих уговоров разрешили мне провести летние каникулы у бабушки в уютном маленьком Краснославске, где так счастливо и быстро прошло мое детство.

Нашу огромную краснославскую квартиру в тихом кирпичном центре родители поменяли на двушку в панельном доме на окраине промышленного мегаполиса. Там мне предстояло закончить десять классов и поступить в институт. В любом случае считалось, что в крупном городе у меня больше перспектив, чем в провинциальном Краснославске, где даже нет высших учебных заведений, а только техникумы.

В начале июня мы всей семьей по путевке съездили на Черное море, потом вторую половину отпуска родители обживали новое место, чтобы в июле приступить к работе. Отца взяли инженером на военно-ремонтный завод, а мама устроилась экономистом в финансовый отдел коксохимического института.

Как же я горевал, что мне приходится покинуть Краснославск. Здесь оставались мои школьные и дворовые товарищи, казавшиеся мне самыми замечательными и верными, точно из фильмов про пионерскую дружбу. Каждый день я выжимал до последней минуты. С утра до вечера мы гоняли мяч на школьном стадионе, а затем всей компанией шли купаться на озеро или же велосипедной эскадрилей мчались за двадцать километров на реку Ильму ловить рыбу, жгли высокие, до звезд, костры, пекли картошку, и я говорил ребятам, что не забуду их и обязательно приеду погостить на следующий год.

За каких-то три летних месяца из невысокого плотного мальчика я вдруг превратился в крепкого приземистого паренька. Это произошло во многом благодаря тому, что каждый день мы собирались у турника и играли в «прогрессию». Суть игры состояла в том, что заранее оговаривалось максимальное число подтягиваний – допустим, десять, и мы по очереди подходили к турнику – сначала выполнялось одно повторение, потом два, три, четыре и так до десяти. Это когда заявлялась только прогрессия «наверх». Обычно устраивали полную «прогрессию» – вверх и вниз. Так было куда сложнее, ведь если посчитать количество повторений, то полная прогрессия «на десять» включала сто подъемов, а это было уже немало. Мы играли все лето, и к концу августа я легко справлялся с прогрессией «на пятнадцать», причем наверх и вниз, а за один подход легко подтягивался до тридцати раз. Дома я с удивлением рассматривал в зеркале свое внезапно повзрослевшее тело с небольшими, но очень рельефными мускулами, какие бывают у гимнастов.

Двадцать шестого августа нагрянул отец, погостил денек у бабушки и забрал меня. Бабушка проводила нас на поезд, и я расстался с Краснославском. Ехали мы около суток, по дороге отец рассказывал мне, как славно мы заживем в большом городе, где есть метро и оперный театр.

Город, в котором мне предстояло жить, в десятки раз превосходил уютный зеленый Краснославск, но величина его была какая-то раздутая и в основном достигалась за счет бесконечных многоэтажных районов, тянувшихся на долгие километры. Наверное, с высоты эти двена-

дцати– или девятиэтажные дома напоминали воткнутые в землю надгробья, одинаковые, как на братских могилах. Даже само название «спальный район» лишь усиливало ощущение какой-то коллективной усыпальницы. Повсюду стоял удушливо-сладковатый запах жженой резины и мазута, словно умер неодоушевленный предмет, какой-нибудь гигантский механизм с дизельным сердцем.

Наша квартира была уже вполне обустроенной, хотя и совершенно чужой. Родные с детства краснославские вещи: диваны, стулья, лампы, шкафы – походили на палестинских беженцев, точно говорящие чашки и утюги из мультика про неопрятную тетку Федору. Мне отдали меньшую комнату, а родители поселились в гостиной.

Первого сентября я пошел в новую школу. Одноклассники приняли меня холодно. Хотя как еще они должны были принять новичка? Я был маленького роста и по меркам девчонок не особо симпатичным. Кроме того, я был с лета коротко подстрижен и на общешкольной линейке первого сентября краем уха расслышал, как кто-то из моих рослых вихрастых одноклассников под общий смех шепнул, что я похож на детдомовского. Вдобавок на мне была синяя школьная форма, а все были одеты в нормальную модную одежду. Я решил не реагировать на насмешки и познакомиться с теми, кто выглядел не особо заносчивым, поговорить, но никто не проявил ко мне интереса, а сам я не привык навязываться.

Первым был урок истории. Я занял свободное место на предпоследней парте. Соседа у меня не оказалось. От навалившегося одиночества мне сделалось немного тоскливо, но я успокаивал себя тем, что уже к концу четверти все разберутся, что я нормальный хороший человек, и у меня появятся приятели.

На уроках я заинтересовал всех только своим именем – Герман. Каждый учитель во время переключки сообщал: «Какое у тебя редкое имя», а я кивал и старался не обращать внимания на ироничные взгляды одноклассников, мол, надо же, как его называли – Германом.

В тот же вечер я подрался, и это была первая серьезная драка в моей жизни. Получилось это так. Мама вечером попросила меня сходить за хлебом в универсам. С двумя батонами в пакете я возвращался к дому и с грустью вспоминал маленькую «Булочную» в Краснославске. Все было чужим: бесконечные одинаковые высотки, лобастые троллейбусы, с грохотом теряющие рога на поворотах, прохожие, которые не говорят, а кричат. В Краснославске вдоль улиц росли липы и каштаны, а здесь лишь тополя. И урны были не такие, как в Краснославске, не чугунные чаши-мортиры, а просто облупленные бетонные бочонки. В автоматах с газировкой не было стаканов. Даже пирожок, купленный в передвижном лотке, в тон враждебному городу оказался холодным, жестким и невкусным, и обернули его коротким обрывком кассовой ленты, на которой проступили жирные пятна, схожие с водяными ленинскими профилями, какие бывают на крупных купюрах.

Возле подъезда ко мне обратился какой-то подросток моих лет – может, на год младше. Я сразу попался на удочку его лживого дружелюбия. Он представился кличкой «Шева», сказал, что живет в соседнем доме, спросил: «Недавно приехал сюда?» – и я ответил, что три дня назад. Он оживился и заявил, что хочет познакомить меня с остальными ребятами. Как я узнал позже, понятие «наш двор» составляли пять соседствующих девятиэтажек. И мы двинули с Шевой куда-то за гаражи. Я не чувствовал никакого подвоха и всю дорогу откровенно трепался с простоватым на вид Шевой о Краснославске.

Через несколько минут мы пришли к задворкам гаражного городка. На расставленных полукругом ящиках и бетонных брусках сидели обещанные Шевой «ребята». Их было человек восемь или десять, двум самым старшим было около двадцати. Все курили, в ногах у старших стояли мутно-зеленые бутылки портвейна. В мягкой черной земле виднелись следы прежних бутылок, похожие на отпечатки лошадиных копыт. Всюду валялись окурки и битое стекло. Железные бока гаражей и бетонные плиты забора, за которым начиналась стройка, покрывали похабные надписи, буквы были широкими и лохматыми, точно их рисовали тряпкой или

шваброй. Чуть пахло мочой и бензином. Со стройки не доносилось ни звука, разве что слышался ржавый скрип стального троса на подъемном кране.

– Новый, – сказал обществу Шева. – Говорит, только приехал.

– Как зовут? – спросил старший парень. Он был в жатом спортивном костюме красного цвета и шлепанцах. И лицо у него было такое, словно он вспомнил что-то смешное, но не хочет пока рассказывать. На крупной бульдожьей голове с голубыми искорками прищуренных глаз несколько забавно смотрелись светлые, будто чуть смоченные водой кудряшки. Безымянный палец левой руки украшал крупный самоварного цвета перстень.

Я ответил: «Герман» – и по краснославской привычке хотел еще прибавить, что так, к примеру, звали космонавта Титова, но не успел.

– Ну что это за имя?! – фыркнул темноволосый сосед кудрявого. Он был в спортивных штанах с тремя белыми лампасами, синей майке со значком «адидаас», и на его ногах были кроссовки. Красивое лицо парня портил острый, утюгом, подбородок. – А фамилия?

– Рымбаев.

– Чурка? – Он неприятно улыбнулся.

– И вовсе не чурка, – обиделся я. – Просто фамилия такая... Восточная.

Фамилия «Рымбаев» досталась мне от маминого отчима, очень хорошего человека, по словам родителей. Он женился на бабушке, когда маме было восемь лет, относился к ней как к собственной дочери, и мама из уважения к бабушке Рымбаеву в свое время взяла эту фамилию. У папы своя фамилия была Хлопик – в общем-то смешная фамилия, что-то среднее между хлюпиком и клопиком, особенно если учесть, что папа был невысокого роста, настоящий хлюпик-клопик, как и все наше семейство. Детство и юность папа промучился с этим Хлопиком. Встретив маму, он взял ее фамилию и стал Рымбаевым. При этом у нас в роду с обеих сторон были только русские люди, и у меня, и у папы с мамой были светлые волосы и серые глаза...

Мне еще не приходилось оправдываться за фамилию. Я уже думал, как преподнести ребятам нашу семейную историю, так, чтобы не упоминалась стыдная правда про Хлопика, но раньше меня преобильно ударили сзади ногой прямо в копчик. Я нелепо вздернулся и схватился руками за уши, так и не выпустив пакет с батонами.

– Сма-а-чный поджопничек! – сказал кто-то.

Пацаны заржали. Очевидно, я выглядел смешно и жалко с руками на ушибленном копчике, с качающимся, как маятник, пакетом. Я обернулся и понял, что бил Шева.

– О, Герман щас заплачет, – прыснули на ящиках.

– Ну че, сука?! – Шева глумливо оскалился. – Деньги сюда давай! Остались после хлебушка?

В тот вечер я сам для себя выяснил несколько вещей. Во-первых, что со мной так нельзя. И второе – я умею бить.

Бросив батоны на землю, я засадил кулаком Шева в лицо. Мне показалось, что я ударил хоть и несильно, но как-то твердо. Под кулаком хрустнуло, словно раздавилось яйцо. Шева прижал ладони к носу, закричал как селезень и так, крикая, несколько раз быстро присел и встал, точно не мог без этого справиться с болью. Между его сложенных корзиночкой пальцев уже просочилась кровь. Едва Шева разжал ладони, она ручьем хлынула по подбородку на футболку.

В драку бросилось сразу несколько человек. Я отбивался, как умел, сыпал удары во все стороны, уворачивался. В меня даже толком не попали, только, пытаясь схватить за рубашку, оборвали «с мясом» нагрудный карман.

В этот момент старший парень скомандовал:

– Разбежались!

– Лещ, – вкрадчиво запротестовал его сосед, – он же Шева хобот сломал.

– А Шева сам за себя отвечает, – возразил Лещ. – Э, мелкие, мне два раза повторять? Я сказал, разбежались!

Меня тут же оставили в покое. Троица, дравшаяся со мной, выглядела не лучше Шевы. У одного был разбит нос, у двух других заплыли глаза, атели пятна на скулах. Я, честно говоря, не ожидал, что смогу так за себя постоять.

Лещ с интересом осмотрел меня:

– Прямо не Рымбаев, а какой-то Рэмбо карманный.

– Подкачанный хлопчик, – заметил сосед Леща. – Ты не обижайся, Герман, – продолжал он радушным голосом. – Мы просто с тобой знакомились. Теперь видим, что к нам во двор приехал нормальный пацан, а не бздо. Ты Герман, а я Борман. Боксом, что ли, занимался, Герман? Выпьешь за знакомство? Давай, не стесняйся...

Я хоть и был обижен приемом, согласился. До этого я никогда не пробовал спиртного. Борман, протягивая мне бутылку, взобрался на бетонный брус. Конечно же, я не разгадал этого маневра. Едва я приблизился, Борман вдруг резко лягнул меня ногой под дых, быстро и хлестко, точно бил не ногой, а плеткой. Острый нос его кроссовка, казалось, достал до позвоночника. Я захлебнулся вдохом, согнулся, но все же не упал.

Борман выжидающе смотрел сверху вниз. Удар почти парализовал меня. Тело не двигалось. Я хотел что-то сказать, но голос тоже не подчинялся. Наконец я чуть справился с полуманым дыханием и прошептал:

– Это подлю...

– А я подлый, – криво улыбнулся Борман, сунул мне бутылку и сказал: – пей...

Кудрявый Лещ, глядя на него, одобрительно кивал:

– Не обижайся, Герман, теперь мы с тобой друзья, а Борман тебя для профилактики ебнул, чтобы ты не забывался и помнил, кто в доме хозяин. А так ты нам друг и карманный Рэмбо. Бери бутылку, он больше не ударит.

Я взял портвейн из руки Бормана и чуть отхлебнул. В горле стало горячо.

– На, покури. – Лещ протянул мне раскрытую пачку «Космоса». Я не курил, но, словно повинуюсь властному приказу, вытащил сигарету за рыжий веснушчатый фильтр.

Несколько минут Лещ спрашивал меня, из какого я города, кто родители, при этом он в глаза не смотрел, а вроде как играл с электронными часами, запуская в них одну за другой писклявые дурашливые мелодии.

Я отвечал коротко, потом затоптал окурки, подобрал растерзанный пакет с батонами и сказал, что пойду домой. Шева уже куда-то ушел, и вместе с ним еще несколько пацанов. Я думал, что они решили подстеречь меня где-то в гаражных закоулках и поквитаться за сломанный Шевин нос, но мне так никто и не встретился. Возле нашего двора росли яблони-дички, я сорвал несколько твердых кислых яблок, чтобы зажевать незнакомые горькие запахи портвейна и табака.

Родители, по счастью, не догадались, что я дрался. Свое опоздание я объяснил, сказав, что познакомился с ребятами из нашего двора, лазил с ними на гаражи и случайно, когда сползал с крыши, зацепился рубашкой. Мама лишь поохала над оторванным карманом и пошла за иголкой, а папа добродушно сказал: «Свинья везде грязь найдет!» – и на этом все закончилось.

В школе отношения с одноклассниками не задалась. Всеми заправлял высокий и, наверное, симпатичный парень по фамилии Алферов. Он считался самым сильным, при этом учился на отлично, приходил школу в модной одежде – всякие курточки и джинсы, и за этим самолюбленным шатеном увивались все девчонки.

Мне в нашем классе очень нравилась Наташа Новикова. Я даже не думал о том, чтобы подружиться с ней – она была очень красивая. Помню, уже прозвенел звонок, я шел по ряду к своей парте, на какой-то момент поравнялся с Алферовым, он брезгливо оглядел меня с ног до головы и вдруг скривился: «Ой, фу-у-у...» – вытянув брезгливой дудочкой гласную «у»,

словно от меня чем-то воняло. Девчонки засмеялись, и Наташа Новикова тоже. И это было ужасно обидно.

Недавняя драка за гаражами точно освободила меня от какого-то внутреннего телесного зажима. Я сразу двинул Алферову в челюсть. Он был длиннее меня чуть ли не на две головы, мой кулак пришелся ему в подбородок, второй удар левой в скулу развернул его, Алферов согнулся и как-то надолго замер. Я подождал секунд десять и понял, что он просто боится, что я ударю его еще раз, и потому благоразумно изображает этот скрюченный нокдаун. Злость моя прошла. Я украдкой посмотрел на Новикову, но не увидел ни восхищения, ни хотя бы удивления от моего мужского поступка, а лишь одно недоумение. В этот момент в класс вошла наша географичка и по совместительству классная руководительница Галина Аркадьевна – жгуче-чернявая тетка, поджарая, со звонким собачьим горлом. Я знал, что Алферов ее любимец. Услышав знакомый властный голос, Алферов медленно распрямылся. Уголок его рта был густо испачкан кровью, будто он неопытно давился вареньем.

– Жень, что случилось, кто тебя ударил?! – Географичка схватилась руками за его лицо и внимательно осмотрела, словно упавшую вазу. – Зубы покажи, зубы целы?! – Алферов послушно, как лошадь, задрал верхнюю губу. Потом, по чьей-то подсказке, Галина Аркадьевна кинулась ко мне, схватила за воротник, точно нашкодившего первоклассника, и начала трясти: – Как ты посмел учинить драку?! Отвечай!

Я тихо, но жестко произнес:

– Галина Аркадьевна, уберите от меня руки. – Мы встретились глазами, и она благоразумно отпустила мой воротник.

– Рымбаев, выйди со мной! – лающе скомандовала она.

Мы оставили за дверью гудящий класс, через полминуты мимо нас проковылял Алферов – наверное, в туалет или в медпункт.

Галина Аркадьевна проводила его поворотом головы, а затем сказала:

– Рымбаев! Без году неделя в новом коллективе – и уже драка... – Она сурово смотрела через увесистые стекла роговых очков. – Рымбаев, ты хоть соображаешь, что несколько минут назад ты зверски избил своего одноклассника?! Ты же мог его искалечить! – Она смерила меня критическим прищуром: – К сожалению, я понимаю причину твоей злобы – это зависть к более красивому, способному товарищу... – Поджала губы, покачала головой, словно действительно меня раскусила. – Растешь мерзавцем, Рымбаев! По-хорошему, мне надо было бы вызвать милицию...

Она говорила, а я читал в ее взгляде, что я более чем средний ученик, что у меня самые заурядные родители, и сам я низкорослый и невзрачный и оттого злой, и фамилия у меня Рымбаев. И еще я вдруг понял, какая она чудовищная махровая дура.

– Я не знаю, где ты раньше учился, но заруби себе на носу, – Галина Аркадьевна потыкала наманикюренным ногтем себе в горбинку на крупной переносице, – в нашей школе тебе никто не позволит хулиганить. Передай отцу, что я жду его в любой день на этой неделе...

Не скрою, избиение Алферова принесло мне некоторую популярность в классе. Ко мне не то чтобы потянулись, но отношение в корне изменилось. Алферов и его ординарцы подбивали класс на бойкот, но эта затея провалилась из-за того, что меня окружало не молчаливое презрение, а безмолвное уважение перед силой. Тем более вскоре на уроке физкультуры я подтянулся на турнике сорок раз и пробежал три километра с лучшим результатом по школе. Физрук не мог на меня нарадоваться и сказал, что отправит на районные соревнования.

После беседы с «классной» папа меня не ругал, но было видно, что он очень расстроен моим поведением. Ночью я слышал, как родители долго шептались, обсуждая мое будущее, и вздыхали.

Дворовые знакомцы с подачи Лещи называли меня Карманный Рэмбо или просто Рэмбо, реже Германом. А кто такой Рэмбо, я узнал, когда через пару недель впервые сходил в видеоса-

лон и посмотрел «Первую кровь». Новая кличка и образ, связанный с ней, меня вполне устраивали, особенно без приставки «карманный».

Почти каждый вечер я шел за гаражи пообщаться с новыми товарищами. Меня уже никто не задирал – я стал своим и подрался всего только один раз со старшим пацаном по кличке Шайба. Мы курили, я сплюнул на землю, а ветер отнес плевок Шайбе на кроссовок. Шайба грубо сказал, чтобы я плевок вытер. Я отказался, потому что попал-то я не нарочно. Шайба подошел ко мне и размазал плевок о мою штанину. Я не раздумывая съездил Шайбе в челюсть. Шайба был сильнее меня и второй год занимался дзюдо, но, как выразился Борман, «Шайба отхватил пиздюлей по всему периметру». Но это был единственный случай такой междоусобицы. Позже Шайба согласился, что был неправ.

Лещ и Борман уже отслужили в армии, вроде нигде не работали, хотя Лещ говорил, что он и Борман «держат кооператив». Лещу было двадцать два, а Борману двадцать один. Я не могу сказать, что они верховодили всеми. Единой компании не существовало. Лещ и Борман были сами по себе, и все считались с их старшинством и авторитетом. Моими ровесниками были Боня и Саша Тренер. Серега Козуб – он, кстати, единственный, у кого кличка совпадала с фамилией, мы его так и звали «Козуб» – учился в девятом. Именно от Козуба, Тренера и Бони я отмахивался в тот первый вечер нашего знакомства, когда сломал нос Шева. Все четверо – Боня, Тренер, Козуб и Шева – были из моей школы. С ними я сошелся наиболее близко.

Шева оказался на год старше меня, но учился вообще в седьмом, потому что дублировал пятый и шестой классы из-за неуспеваемости. Шайба был в девятом, но не в нашей школе, а в сто тридцать восьмой, что за универсамом. Лысый и Куля учились в радиотехническом техникуме, Лысый на втором курсе, а Куля на третьем. Из сто тридцать восьмой на гаражи приходили еще двое: Паша Конь и Тоша. Они были в десятом классе и общались попеременно то с Лысым и Кулей, то со мной, Боней, Шевой, Тренером, Козубом и Шайбой.

Через несколько дней после моей первой драки я встретил в школе Шеву. Нос ему вправили, и мы быстро помирились – на своих Шева зла не держал. Вскоре я узнал, что у Шемы глухонемая мать, что он из многодетной семьи и поэтому может по талонам бесплатно питаться в школьной столовой. Ходил он всегда в затрепанной форме, из обуви у него до зимы были кеды. Шева, наверное, слегка отставал в умственном развитии, я однажды подглядел, как он делал домашнее задание по алгебре, что-то вычитал: так он даже не записывал цифры, а рисовал ряд палочек, зачеркивал вычитаемое число и снова пересчитывал палочки – Шева так и не научился считать в столбик!

Мы как-то сидели на ящиках, и Боня рассказывал анекдот:

– Пацан малой ведет телку на веревке, его спрашивают: «Куда идешь?» – «Телку к бычку веду». – «А что, папка сам не может?» – «Папка-то может, но бычок с пользой выебет!»

Шева смеялся громче всех, а затем добавил:

– Вот ведь телка какая тупая, согласилась с бычком...

– В смысле? – опешил Куля.

– Ну, телка могла же сказать пацану малому: «Ты че, я не пойду, я лучше с обычным мужиком поебусь, чем с быком».

– Шева! Это не телка тупая, а ты тупой! – Куля оглушительно заржал, а за ним и все остальные.

– Видишь ли, Шевочка, – издевательски говорил тогда Лещ, – тебе это будет сложно представить, но «телка» – это не только девушка, но еще и корова!

С тех пор Шеву часто подкалывали, если рассказывался анекдот. Потом кто-нибудь объявлял: «А теперь Шева нам объяснит, что понял!»

Шева обижался и под общий хохот угрюмо отругивался. Это забавляло всех еще больше. При этом к Шеве относились тепло. Он хоть и был физически не особо крепок, но дрался здорово, особенно когда немного выпивал – недостаток мощи у него возмещался приступами рас-

торможенной ярости – Шеву словно разрывало на тысячу кулачных движений. Из-за маленького роста его чаще всего брали как зачинщика в уличных мероприятиях.

А занималась наша компания в свободное время довольно-таки неблагоприятным делом. Прогуливаясь по району, мы подстерегали встречаемых ребят и угрозами расправы вымогали мелочь. За несколько часов такой охоты можно было легко настрелять рублей пять. Деньги делились поровну и тратились обычно на видеосалон и сигареты.

Впервые меня взяли с собой на дело Лысый, Куля, Тоша и Паша Конь. К середине сентября я выучил наизусть все нехитрые речевки и их вариации, предваряющие отъем денег: «Эй, пацан, стой! Иди сюда, не бойся! Сюда, кому сказали? Ты с какого района? Кого знаешь? Деньги есть? Какие двадцать копеек? А если я больше найду, то хуже будет... Все, щас в торец бью!» – и уже через неделю обучения сам остановил какого-то тощего дылду-десятиклассника и под одобрительные взгляды моих товарищей получил из его кармана мятый пергаментного цвета рубль, пропитанный мокрым теплом и страхом.

Начитанный Борман говорил, что в уличной команде, как в театре, у каждого есть свое, пусть и гопническое, но амплуа, соответствующее внешним данным, ну и характеру. Чтобы успешно работать и производить впечатление на обираемого «зрителя» на сцене, то бишь на улице, для колорита обязательно нужны: «Сильный» – просто крепкий парень, мышечный костяк, гири-кулаки; «Жирный» – громоздкий увалень, символизирующий «мясо», удельный вес команды; «Подлый» – вертлявый, липкий персонаж, от которого неизвестно чего ждать – улыбочки или заточки в бок; «Нервный» – тощий, дрожащий от внутренней злобы, бесноватый отморозок – ой, что будет, если дать ему волю; и конечно же «Главный» – руководитель, в разной степени сочетающий в себе качества всех вышеназванных амплуа. Борман подчеркивал, что лучше всего, когда «Главный» красив – красота всегда царит над жиром, силой и злобой. И нужен еще «Малой» – коротышка, «мелкий», малолетняя наглая рожа. Это он первым подкатывает к жертве из уличных подворотных кулис, открывая бандитский спектакль. От работы «Малого» зависит многое. Если «Малой» умело действует, то остальным, по сути, и стараться нечего – даже если «Сильный» – не силач, а одна видимость, «Нервный» – не сама жестокость, а кривляющийся клоун, «Жирный» – просто трусливое сало, то все искупит и устроит ловкий «Малой». Он в одиночку ошеломит, запугает и соберет дань. «На профессионального „Малого“ любая бригада должна молиться», – так говорил Борман.

Сам он когда-то начинал в роли «Нервного», а потом поднялся до «Главного». Лещ, пока не ушел с улицы, всегда был «Сильным». Теперь «Главным» и «Сильным» у нас считался Куля, хотя по мнению Бормана, Куля как был, так и остался заурядным «Нервным». Лысый балансировал между «Сильным» и «Жирным». Тоша неплохо справлялся с задачами «Подлого». Бессменным и непревзойденным «Жирным» был Шайба. Не отличающиеся выраженным актерским колоритом Боня, Козуб, Паша Конь и Тренер участвовали в массовке, попеременно подвизаясь на ролях «Нервного» и «Подлого»...

Нетрудно догадаться, что за амплуа определялось мне самой природой. Я был настоящей находкой для уличных мероприятий – маленький, в разы мощнее любого малолетки и большинства моих сверстников – одним словом, идеальный «Малой».

Раньше наши использовали для этой роли Шеву, в общем-то тоже неплохого «Малого». В отличие от меня, у Шевы был недюжинный опыт, но зато я обладал силой. Шева даже какое-то время обижался, получалось, что я вроде как оставил его без работы...

Вначале меня еще немного коробило от мысли, что я участвую, по большому счету, в настоящем грабеже, но, к своему стыду, я излишне быстро вошел во вкус, освоил нехитрые приемы запугивания, научился вычислять жертву по походке, словам, по особому выражению лица. Я успокаивал совесть тем, что наш разбой обычно не заканчивался рукоприкладством. Если Куля, Лысый и Тоша любили для остротки несильно двинуть особо строптивым «в бочину», то я считал это грубой работой. Мне казалось, что всегда можно ограничиться

словами, интонацией, поэтому другие пацаны: Боня, Козуб, Шева, Тренер, Шайба – предпочитали выходить на улицу со мной. Я так умел поговорить с жертвой, что мы расставались почти приятелями. Я никогда не унижал, а убеждал, что это правильно – поделиться с нами. К примеру, я говорил: «Пацан, ты нас не бойся... А ты и не боялся?.. Вот и хорошо, что ты настоящий пацан, а не ссыкло... Тебя как зовут? Меня Германом звать, а тебя? Вова? Будем знакомы... Вова, выручи на рубль... Ты пойми, мы же тебя по-товарищески просим, как своего знакомого... У тебя сколько денег? Семьдесят копеек? Точно? Уверен? Отвечаешь за слова?.. Тоша, ты подожди в карман к нему лезть, пацан правду нам говорит... Н-да... Ну вот, как тебе после этого верить? Тебе самому не стыдно? Ты же своим пацанам неправду сказал... Ладно, я верю, что ты просто забыл... Бывает... Ты не расстраивайся, ты, главное, знай, что как-нибудь и мы тебя из беды выручим...»

Лещ, вспоминая молодость, несколько раз выходил с нами на улицу ради развлечения, видел меня в деле и ставил всем в пример, мол, это и есть «высший пилотаж», когда деньги отдаются чуть ли не с энтузиазмом, как плата за будущую дружбу и покровительство.

Конечно, не обходилось и без провалов. В ноябре, рыская по сто двадцать шестому микрорайону, я, Боня, Лысый, Козуб и Шева в темноте нарвались на двух совсем взрослых пацанов – эти явно были боксеры, потому что постелили нас за минуту. Я тогда легко отделался рассеченной бровью.

Вспоминается один забавный случай. Меня и Шайбу – «Малой» и «Жирный», увы, не самый лучший тандем – признал парнишка, которого мы когда-то раскулачили. Теперь он был не один, а в большой компании. Я геройски махался против четырех, пока кто-то не подкатился мне под ноги. Я упал, меня чуть попинали ногами. Я видел, как рядом месили Шайбу, он жалобно кричал: «А, не бейте, больно!» – и только его переставали бить, он раздражался грозным криком: «Гады! Гандоны!» – за него снова принимались, он с ходу менял риторику: «Больно! Не надо! Не бейте! Пожалуйста!» – а потом продолжал свое: «Гады! Мы вас найдем! Гандоны! А-а! Не бейте, пожалуйста! Гандоны! Больно! Гады! Не бейте! Гандоны! Найдем! Пожалуйста! Больно! Гады! Ну, пожалуйста! Больно! Ну, не бейте же, гандоны!..» Это выглядело очень комично, как Шайба пытается не потерять лицо. Я смотрел на него и, не взирая на жуткую боль в ушибленных ребрах, смеялся, и вместе со мной начали ржать и чужие пацаны. На этом разборка закончилась и нас отпустили.

Домой я пришел с подбитыми глазами, чуть ли ни надвое разделанной нижней губой, ноющими от каждого чиха ребрами, и вечером слышал, как родители, переговариваясь перед сном, согласились, что, может, и лучше было бы оставить меня в Краснославске у бабушки.

Кроме синяков и шрамов в конце первой четверти я принес в табеле шесть троек – в Краснославске я все-таки был крепким хорошистом. Отец для профилактики каждый вечер запугивал меня ПТУ, говорил, что я если не буду учиться, то стану сантехником или каким-нибудь другим ничтожеством, но я не особо переживал из-за этого. Меня уважали во дворе новые приятели, побаивались в классе – я был вполне доволен моей новой взрослой жизнью.

Я помнил, что пацаны ценят Рэмбо в основном за силу, поэтому, хоть помаленьку и покупывал, занятий спортом не бросал, прилежно ходил на турники и брусья для поддержания мышечной формы. Еще в сентябре по совету Бормана я записался на бокс в ДК железнодорожников и уже в декабре сдал на второй разряд. Потом в нашей школе бывший «афганец» – сухощавый дядька лет сорока с глубоким, точно его оставил раскаленный палец, шрамом на лбу, – открыл секцию рукопашного боя.

Фильмы из видеосалонов сбили меня с толку, я бросил бокс и два раза в неделю прилежно посещал тренировки рукопашников, чтобы не отставать от времени и освоить всякие хитрые приемчики и удары ногами. «Афганца» звали Сурен Дмитриевич, он говорил, у него «черный пояс» по карате и что он преподает нам особый «русский стиль». Единственное, что я запомнил

из его теоретических выкладок: «Главное в бою – это точка опоры, плечо и рычаг». До сих пор не понимаю, что он имел в виду.

В сущности, тренировки заключались в том, что мы, разбившись на пары, дрались кто во что горазд, а Сурен Дмитриевич нас поправлял или рассказывал всякие захватывающие истории о своей службе в спецназе, про войну, как он встречал всяких подпольных мастеров-каратистов, которых он якобы победил, и прибавлял: «Повезло вам со мной, пацанята...»

Еще от Сурена Дмитриевича часто папахивало коноплей – я уже знал этот запах, Борман и Лещ иногда курили такие же трескучие с горелым тряпичным душком папиросы.

После участвовавших в школе драк секцию прикрыли. Я вначале очень расстроился, но Лещ и Борман успокоили меня, сказав, что Сурен никакой не черный пояс, а просто брехло и показывал он нам самые обычные подсечки из дзюдо.

Глубокой осенью зарядили дожди, и мы прекратили посиделки за гаражами. Чаще всего зависали у Тренера. Он жил в частном секторе, отец его год назад переоборудовал пустующий флигель под домашний спортивный зал – там была штанга со скамейкой, наборы гантелей, две допотопных пудовых гири, висела самодельная боксерская груша. Из-за этого флигеля Сашку, собственно, и называли Тренером. Несколько раз в неделю мы приходили к нему поработать со штангой, постучать по брезентовому мешку, ну и пообщаться на разные темы.

Куля рассказывал, что существуют специальные медицинские препараты – «анаболики», от которых быстро растут мышцы. Лещ и Борман, когда качались, кололи себе эти анаболики, и к ним для этого приходила Илонка, тогдашняя подруга Леща. Она работала в поликлинике медсестрой, доставала в больнице ампулы и сама же колола. Куля вроде тоже собирался поговорить с Илонкой насчет таких уколов – десять ампул вколешь, и мышца попрут.

Мы с Тошей немедля выразили желание присоединиться к нему, но Куля со смехом ответил, что я и так Рэмбо, а от анаболиков круглосуточный стояк, и без постоянной подруги нам придется худо, а Паша Конь с выражением продекламировал: «Онанисты, народ плечистый...»

Возле нашей компании крутилось несколько девушек: Марина, Аня и Света. Лысый встречался с Мариной, а вот Аня и Света были ничейными или, лучше сказать, общими подругами. По слухам, они в свое время давали и Куле, и Лысому, и Паше Коню. А Тоша мне по секрету признавался, что Анька даже брала у него в рот, но я ему не особо верил, иначе зачем бы он говорил это по секрету? А до того с Аней и Светой гуляли в свое время и Лещ, и Борман.

Аня училась на третьем курсе ПТУ на швею, Света уже год как закончила десятилетку, говорила всем, что будет поступать в театральное. Они дружили и даже внешне были очень похожи, наверное, за счет одинаково яркого макияжа и причесок «химия с перьями». У них и фамилии звучали почти одинаково – Карпенко и Кириленко. У Светы лицо было эффектное, как у атаманши из «Бременских музыкантов», особенно когда Света собирала на затылке волосы в хвост. Она начинала, по словам Леща, «короветь», и если наклонялась, то у нее из джинсов вываливались белые бока. У Ани лицо, может, выглядело попроще, но зато у нее были стройные ноги и большая грудь. Света в общем-то тоже могла похвалиться немалой грудью, но Куля справедливо замечал, что у Светы «сиськи подвисают, а у Аньки стоячие».

Именно Аня стала моей первой женщиной, и с ней в какой-то степени и связан дальнейший переломный момент моей жизни...

Праздник седьмого ноября мы отмечали у Тоши – его мать работала проводницей, часто отсутствовала дома, и в эти дни Тошина хата была в полном нашем распоряжении. Я любил приходить в гости к Тоше в основном из-за коллекции «выкидух». Брат Тошиной матери был ментом на зоне и на каждый Тошин день рождения дарил ему какой-нибудь зэковский ножик. Эти выкидухи были неважного качества, в них быстро портилась пружинка, а на плашках имелось излишне много украшений – всяких блестящих камушков, типа бриллиантов. Но все равно я мог часами играть Тошиными ножиками – стальные хищные щелчки выпрыгивающих лезвий меня завораживали.

На седьмое ноября к Тоше кроме меня пришли Куля, Боня, Тренер, Шайба и Козуб. Аня и Света сделали оливье, сварили картошки. Мы основательно запаслись выпивкой: было пять бутылок водки и специально для девушек две бутылки портвейна. При этом был еще литр свекольного самогона, привезенный Шайбой от бабки из деревни. Козуб притащил свой магнитофон и кучу кассет с зарубежной и советской эстрадой и нашей рок-музыкой.

Куля почему-то погнал галопом праздник: «После первой не закусывают», «Между первой и второй»... Я как-то очень быстро захмелел, сидел в кресле с полстаканом водки и боялся закрыть глаза, чтобы меня не вывернуло на стол от пьяных вертолетов. Тоша тоже быстро окосел и как зачарованный смотрел в телевизоре «Капитана Врунгеля», имитируя голосом дурацкую звуковую заставку, с которой начиналась каждая серия. Куля увел в соседнюю комнату Свету и закрыл дверь.

На кухне вдруг дико загоготали Боня, Тренер и Козуб, потом пришел Тренер и, давась от смеха, рассказал, что Боня за собой не смыл и специально оставил плавать в унитазе колбасу говна, и следующим поперся в туалет Шайба, поднял крышку унитаза и с криком выбежал из туалета, чтобы морально обосрать раззяву Боню, но все потешались почему-то над Шайбой, потому что решили, что «с говном» остался он. У меня даже не возникло желания улыбнуться – комната раскачивалась, как палуба.

Ко мне подошла Аня и сказала:

– Пойдем, покурим.

Я поднялся и нетвердым шагом вышел за ней на застекленную лоджию. Там я открыл окно, и свежий ноябрьский вечер немного привел меня в чувство.

Я старался глубоко не затягиваться, чтобы меня не вырвало. Стоял, прислонившись лбом к холодному стеклу. Вместе с отрыжкой неожиданно накатил спазм тошноты, я высунулся из окна и поблевал на излишне звонкую крышу соседского балкона этажом ниже. Затем я снял с полки банку с консервированными огурцами, пальцами открыл ее, чуть прихлебнул, и мне показалось, что я выпил не рассол, а желудочный сок.

На лоджию заглянул пьяный Шайба, сказал заплетающимся языком: «Всё, не выйдете отсюда!» – и закрыл дверь.

Я видел, как он повернул шпингалет и убежал куда-то в комнату. Для проверки я толкнул дверь лоджии, она действительно оказалась заперта.

– Вот дурак! – сказала про Шайбу Аня и улыбнулась: – Он нас закрыл...

На Ане были обтягивающие джинсы-варенки и красивый черный свитер, расшитый бисером и блестками. На фильтре ее сигареты заманчиво алела помада.

– Герман, что ты так на меня смотришь? – прищурилась Аня. – Нравлюсь, что ли?

– Да, очень, – сказал я, удивляясь, как водка отбила во мне всякое смущение. Я взял Аню за грудь, несколько раз стиснул. Сверху, куда не добиралась чашка лифчика, грудь была очень мягкой.

Аня улыбнулась и отвела мою руку. Я порывисто обнял Аню, тычась губами ей в губы, в щеки, в шею...

Она чуть поморщилась от моего кислого дыхания, отодвинулась и как-то по-доброму осмотрела меня:

– Вообще-то у меня сейчас опасные дни... Ну, ладно. В виде исключения. Снимай штаны и трусы... Да не полностью же! Господи!.. Теперь залупи... Ты не понял? Залупи же, дурак... Герман, ты что, дурак?.. Ну-ка, стань чуть к свету... Вот... – Она чуть провела указательным пальцем по краю открывшейся головки, и от одного этого нежного касания у меня каким-то нутряным зевком подтянуло живот. – Видишь, – продолжила она назидательным тоном, – у тебя еще зелень на залупе... Значит, от тебя не залетишь... – Аня убрала палец и, лукаво посмотрев на меня, им же и погрозила. – Только все равно не вздумай кончить в меня. Если

кончишь, больше никогда не дам, ясно? – Она приспустила джинсы. – На колготы не глядим, они дырявые, – приказала Аня. – Я же не знала, что придется раздеваться...

Она быстро освободила левую ногу от штанины, колготок и трусов, повернулась ко мне наполовину оголенным задом. Ее ляжка сразу покрылась гусиной кожей и сделалась на ощупь колючей, как огурец.

– Только по-быстрому. – Она оглянулась, – ну, давай помогу, горе мое. – Она плюнула себе в ладонь, смочила между ног, затем влажной рукой пристроила и меня. – Во-о-т... А спускай прям на ногу. Надеюсь, сам понимаешь на какую. Заляпаешь джинсы – больше не дам...

В Ане было горячо и мокро. И очень, до обидного, быстро.

– Вот, хороший ты человек, не обманул! – сказала Аня, сорвала с натянутой поперек лоджии бельевой проволоки какое-то полотенце и вытерла мою сперму с продрогшей ляжки. Потом вдела ногу обратно в штанину и застегнулась. Взяла сигарету, поискала зажигалку: – Блин, в комнате осталась... Герман, постучи им, пусть откроют. А то я уже замерзла!..

Я принялся колотить по дверному стеклу, пока хмурый от перепоя и Врунгеля Тоша не освободил нас.

На следующий день я с гордостью проговорился пацанам про Аню, и Боня бегал по школе и кричал: «Рэмбо в дупло попал, Рэмбо попал в дупло!» А я гонялся за ним, чтобы отвесить поджопник, и на душе у меня было по-майски солнечно.

– Можно поздравить? – с веселым удивлением спросил у меня Лещ, когда заглянул к Тренеру в гараж. – Ну, молодец, Рэмбо. А то у нас имеются в коллективе некоторые, – он с кривой ухмылкой многозначительно посмотрел на Лысого. Все начали улыбаться, а Лысый занервничал. – А то у нас имеются такие, которые, можно сказать, до бабы не донесли...

– Лещ, че ты гонишь! – шумно обиделся Лысый. – Кто не донес? Ты там свечку держал?

– Да-да, не донесли, – безжалостно закончил Лещ. – По дороге расплескали...

– Да я ей четыре палки кинул, понял? – взвился Лысый.

– Вылил на пол... – ласково глумился Лещ. – Палочник какой выискался...

О «мульттиках» мы впервые услышали от Бормана где-то в середине декабря. Мы зависали у Кули – ему досталась комната в коммуналке от умершей бабки. Были почти все наши. Мы выпивали, Боня, Шева, Тренер и я хвастались недавней успешной дракой со сто двадцать шестым микрорайоном.

И вот тогда Борман, как бы между прочим, рассказал нам, что слышал про такой прикол: пацаны берут с собой на улицу девушку, под шубой она совсем голая. И девушка перед встречным мужиком на несколько секунд распахивает шубу – показывает грудь и все остальное, а сопровождающие пацаны спрашивают: «Мульттики видел?» – и поскольку мужик отказаться от увиденного не может, пацаны говорят: «А раз видел, тогда плати!» – и тот вынужден раскошеливаться за увиденные сиськи, причем не рублем и даже не трешкой, а как минимум десяткой. И это не грабеж, ведь мужик видит сиськи и получает интересное впечатление.

Звучало это очень забавно и, чего греха таить, заманчиво. Понятно, что голая грудь под шубой была рассчитана не на школьников, а на взрослых дядек, с которыми, что вполне логично, могли возникнуть взрослые трудности. Но и деньги-то светили другие – не детские.

– А у нас, кстати, и кандидатуры подходящие есть, – задумчиво произнес Куля.

– Кого ты имеешь в виду? – спросил Лещ.

– Ну, Светка и Аня, – ответил Куля. – А что? Сиськи у обеих в порядке.

– Я думаю, если им пообещать половину... нет, половину им жирно будет, – сказал Лысый, – если им треть от наvara пообещать, они согласятся...

– Вот и решайте, пацаны, – засмеялся Лещ. – Борман вам классную тему подкинул. Хватит вам полтинники у малолеток сшибать. Надо заниматься серьезным бизнесом...

А через неделю Борман попал в больницу с тяжелыми черепно-мозговыми травмами. Его «постелили» в видеосалоне ДК строителей. Я сам видел, как это произошло. Мы небольшой компанией пришли на Фредди Крюгера II. В тот вечер я с Боней и Тошей – Малой, Подлый и Нервный – удачно стрельнули денег и решили посмотреть ужасы.

Мы уже заняли места перед телевизором, когда в салоне появился Борман. Он подмигнул нам, затем подошел к владельцу видеосалона и начал с ним о чем-то беседовать. Разговор явно не клеился. Лицо Бормана перекосила злая и неуверенная улыбка – я понял, что он растерялся. Пока он общался с владельцем, в зал зашли еще пятеро мужиков. Они выстроились позади Бормана. Он тоже их заметил, что-то сказал, хозяин пожал плечами. Борман говорил, медленно отступая к маленькой сцене, на которой был установлен стол с телевизором и видеоманитофоном. Мужики и владелец салона не торопясь шли за Борманом. Вдруг Борман легко вскочил на сцену, резким толчком повалил со стола телевизор, а упавший видак крепко припечатал ногой, так что сделалось ясно, что Фредди Крюгера II на сегодня не предвидится.

Борман развернулся к набегающим врагам и со своего возвышения стал отбиваться ногами. Мы тоже повскакивали со своих мест, чтобы кинуться ему на помощь. Борман крикнул: «Мелкие – не лезть! Мое дело!» – и мы замерли на месте. Борман еще минуту успешно раскидывал нападавших, но против шести противников он был бессилен. Кто-то поймал его за ногу и стащил со сцены.

Упавшего, его избивали, он лежал, скрючившись, на полу. Месили долго, минут пять, а потом, даже когда он не шевелился, кто-нибудь, потирая ушиб на лице или туловище, куда пришелся ботинок Бормана, снова возвращался к его неподвижному телу, пинал, а салонная кассирша верещала: «Хватит, вы его убьете!» – затем Бормана вынесли, а кассирша вызвала «скорую».

Мы догадывались, что Борман и Лещ давно хотели взять под свой контроль видеосалон. Они уже запугали владельца, и тот был готов платить им небольшую дань, но в последний момент передумал и нанял специальных людей. В итоге Борман оказался в больнице с серьезными травмами. На следующий день Лещ облил бензином и поджег красную «восьмерку» владельца видеосалона, сам же благоразумно скрылся из города.

И мы остались без старших. Теперь всем заправляли Куля и Лысый. Они и договорились с Аней по поводу «мульттиков». Она соглашалась работать за половину от выручки. Куля пытался торговаться, говорил, что дело новое, незнакомое и может вообще не выгореть, но Аня была непреклонной, сказав, что по-хорошему она вообще может потребовать денежную компенсацию за каждую прогулку впустую. И мы, подумав, приняли Анькины условия – в конце концов, все завязывалось на ней.

Первый раз мы вышли на промысел в канун Нового года. Куля справедливо предположил, что на праздник вечером будет много пьяных, и мы отоваримся по полной программе. Он не ошибся.

Для начала мы выступили всей компанией: Куля, Лысый, Тоша, Паша Конь, Шайба, Боня, Тренер, Козуб, Шева и я. Одевались как для драки – во все удобное. На мне была легкая, из черной мешковатой материи куртка на синтепоне с отстегивающимся капюшоном – я его заранее отцепил, чтобы не мешал, а на ноги обул любимые подкованные ботинки с очень твердыми носами. В карман я сунул вентиль от пожарного крана – он вполне заменял кастет, им легко крушился твердый силикатный кирпич. Тоша на всякий случай вооружился выкидухой, а Паша Конь спрятал под куртку нунчаки, сделанные из ножек табуретки. Конь, правда, все равно не умел работать этими нунчаками, взял для виду. У Шайбы была чугунная фигурка

космонавта – маленькая статуэтка размером чуть поменьше чекушки, гладкая, словно матрешка, но практичная для боя – такой можно было приложить как молотом. Шева захватил солдатский ремень со свинцом в пряжке. Одет Шева был беднее всех – в обычный стеганный ватник, как у строителей. Ватник был достаточно теплым, но делал руки неповоротливыми. Единственное, он был коротким и не стеснял ноги, так что Шева всю работу мог выполнять своими кирзачами, вполне подходящими для боя. Они уж точно были лучше, чем Бонины «дутики» на поролоне, может и более теплые, но бессовестно смягчающие удар.

Аня надела шубу из коричневого «чебурашки». Грудь Аня оставила полностью голой, на ногах были колготки, но без поддетых трусов, так что сквозь капрон просвечивал заросший лобок, до смешного похожий на какого-нибудь Карла Маркса, отправившегося на разбой с чулком на голове.

Мы решили покинуть нашу панельную окраину и попытаться счастья ближе к центру – там было много тихих улиц. Мы понимали, что чем меньше будет свидетелей у нашего представления, тем лучше.

В центр мы приехали на метро. В это время Аня была в свитере и юбке, а когда мы вышли на промысел, она в первом подвернувшемся подъезде сняла их и сложила в сумку, которую повесил себе на плечо Шева. Там же лежала бутылка водки – Ане для согрева. Впрочем, вечер был не холодный.

Центр, перетянутый вдоль и поперек праздничными гирляндами, сверкал как новогодняя елка. Быстрые потоки машин разлетались от перекрестков, оседая оранжевыми бенгальскими брызгами на магазинных витринах. В дымчатом свете фонарей кружили снежные стружки, покрывая нежной голубой искрой вялый городской снег. Вдоль тротуаров узкими лентами вились горчичного цвета песчаные дорожки. Повсюду валялись затоптанные картонные гильзы хлопушек в окружении бесцветных россыпей конфетти. Звучала музыка, приглушенная окнами, так что наружу пробивался только глуховатый ритм, без мелодии и голоса.

За памятником Ленину стояла городская ель – сварной скелет из труб, в растопыренные пазы которого втыкались маленькие елки, изображающие густые ветви. Венчала составную громадину красная звезда. Нижние «ветки» вместо елочных игрушек были украшены надувными клеенчатыми мячами, с которыми обычно летом играют дети на пляже. Боня оторвал один мяч, и пока мы шли по парковой аллее, то гоняли этот мяч, почти такой же невесомый, как пустой полиэтиленовый пакет.

Сразу же возникла непредвиденная проблема. Наша компания отпугивала одиноких прохожих. Завидев нас, люди сворачивали в переулки в сторону многолюдного проспекта или скрывались в подъездах. Мы безуспешно бродили больше получаса, и Лысый разумно предложил разделиться: он и Куля останутся с Аней, а мы должны идти метрах в двадцати поодаль – может, тогда от нас не будут шархаться.

Хитрость сработала, уже через пятнадцать минут мы выловили первого клиента. Это был мужик лет сорока, он явно чуть принял и возвращался домой или, наоборот, направлялся в гости, чтобы продолжить гулянье. Он был в приподнятом настроении, шел и напевал, чуть помахивая портфелем, как школьник.

Начало этой сцены я видел издали. Аня распахнула полы своей шубы и стала похожа на летучую мышь. Мужик остановился. На его лице застыло глупое удивление.

– Мультитики видел? – спросил Куля.

– Что? – переспросил мужик, вода по нам тревожными, быстро трезвеющими глазами. Он поднес руку к своей ондатровой шапке, словно хотел убедиться, что она еще на голове.

– Ну, мультитики, – повторил Куля и сделал руками движение, точно вылезал из шкафа и открывал одновременно две дверцы. Кивнул в сторону Ани. Та улыбнулась и снова на миг распахнулась.

Мужик отступил на шаг, опять коснулся шапки, будто мусульманин своей чалмы.

– Видел? – спросила уже Аня.

– Да, – тихо признался мужик. – И что теперь?

– А если видел, – сказал Лысый, – тогда плати!

– Платить? – осторожно переспросил мужик. – А сколько?

– Сколько? – Лысый задумался, но в разговор вмешался Тоша. – Червонец давай! – строго сказал он и нахмурился.

– Значит, десять рублей... – Мужик полез в карман брюк, вытащил кошелек, разломил, порылся в нем, вытащил пятерку и трешку. – У меня два рубля мелочью будут. Не страшно?

– Нормально, пойдет, – покровительственно сказал Куля, принимая деньги.

– Можно идти? – спросил мужик.

– Пожалуйста, – разрешил Куля. – Позвольте на секунду ваш чемоданчик...

Куля принял у мужика портфель, деловито открыл и вынул оттуда бутылку шампанского и вернул портфель обратно.

– Ну, что, гражданин... С наступающим вас, трудовых успехов в новом году...

Лысый не выдержал и гоготнул. Шева прыснул тонко и с привизгом. Не справился с весельем и открыто засмеялся Боня, а вслед за ним Козуб, Тренер и я. Мужик тоже позволил себе улыбнуться, застегнул пряжку на портфеле, поправил на голове ондатра и пошел прочь от нас. Через шагов десять оглянулся и, подгоняемый нашим смехом, уже больше не оборачивался.

Мы продолжали хохотать, затем Боня от полноты чувств завизжал, толкнул Шеву, тот полетел в сугроб, но не разозлился. Тренер слепил снежок и запустил в Шайбу. Снежок разлетелся. Шайба запрокинул голову и по-волчьи завыл.

Аня встала передо мной и Тошей, распахнула шубу, покрутила сиськами, а потом жеманно сказала:

– Мальчики, мульттики видели? Платите! – а Лысый в восторге принялся кидать ей под ноги мелочь.

Паша Конь кружился с Козубом в свете фонаря, они орали дурными голосами: «Лаванда, горная лаванда, наших встреч с тобой синие цветы!...»

В руках Кули выстрелило шампанское, задымилось у горлышка.

– С наступающим! – выкрикнул Куля, и мы, передавая по кругу бутылку, выпили первый тост за Бормана и «мульттики».

В тот же вечер до двенадцати мы тормознули еще шестерых запоздалых дядек и настроляли всего семьдесят четыре рубля. Вечером первого января выручка увеличилась до девяноста рублей.

Конечно, все шло не так гладко, как мечталось в первые новогодние дни. Вскоре выяснилось, что в будни лучше вообще не соваться на улицу – бессмысленно. Идеальным зрителем «мультиков» был одинокий и подвыпивший дядька за сорок, лучше всего трусливой интеллигентной профессии, а такие чаще водились на выходные или праздники. С понедельника по пятницу они куда-то исчезали, словно впадали в спячку. Самым доходным временем был субботний вечер. Пятница и воскресенье тоже бывали неплохи, хотя и проигрывали субботе – если по пятницам мы собирали рублей тридцать-сорок, то это было неплохо. В праздники наши заработки увеличивались втрое. К примеру, на старый Новый год, когда по улицам шлялось много подвыпивших клиентов, мы собрали уже сто двадцать рублей. Кстати, не все нас боялись, некоторые восторженно говорили: «О, стриптиз!» – и сами просили Аню оголиться еще раз, на бис, и прибавляли денег.

Света, узнав о том, что Аня получила от нас за четыре вечера зарплату инженера – чуть ли не сто пятьдесят рублей, тоже изъявила горячее желание поработать. Аня вначале была недовольна новостью, что у нее появится конкурентка, но дружба все же взяла свое.

Новая пара «мультяшек» подтолкнула нас к мысли разбиться на две бригады. Ведь раньше нам приходилось остаток делить на десятерых, а так наши доходы возрастали вдвое. Понятно, что, проиграв в численности, бригады резко слабели, от чего значительно увеличивался риск провала, но уже с середины января мы разделились, постаравшись, чтобы в каждой бригаде были свои Сильный, Жирный, Подлый, Нервный и Малой.

Одной бригадой командовал Куля, и «мультяшками» там была Аня. У меня имелся выбор, но я предпочел бригаду Кули, чтобы остаться с Аней – что поделаешь, я был в нее влюблен. С нами еще трудились Тоша, Шайба и Козуб. Второй бригадой руководил Лысый, и с ним ходили Паша Конь, Боня, Тренер и Шева.

За пару недель мы здорово поднаторели в новом деле и порядком обнаглели. К февралю девчонки наши приоделись и очень похорошели. Аня наконец смогла избавиться от опостылевшей «чебурашки» и приобрела красивую дубленку с пушистой оторочкой.

У нас завелись деньги, которые уже странно было называть карманными. За три дня в неделю я зарабатывал в среднем не меньше тридцати рублей. Через месяц я обзавелся стационарным магнитофоном «Маяк» и электронными часами «Монтана» с семью мелодиями. Чтобы дома не возникло вопросов, я сказал, что все это добро я очень дешево купил в комиссионке, и продемонстрировал выпотрошенную копилку. Родители поверили.

Я хотел и дальше продолжать близкие отношения с Аней, но не знал, как ей об этом сказать. Для этого нужна была подходящая обстановка праздника, а именно на праздники мы всегда работали.

Познакомиться с девушкой на улице у меня не получалось – я стеснялся и роста, и детского своего вида. Помню, я поверил Тоше, что он умеет снимать телок, и пошел с ним за компанию. Мы, как дураки, плелись по парковой аллее за какой-то пэтэушницей, которая делала вид, что не замечает наших ухаживаний.

Тоша нес ахиною:

– Девушка, гы! А вы знаете, что вы, гы... мой идеал... девочки?..

А потом, когда выяснилось, что никакое знакомство, уже не говоря про большее, нам не светит, Тоша выкрутился, сказав, что ничего не получилось из-за меня, дескать, телка решила, что я – его младший брат.

Десятого февраля был день рождения у Козуба – ему исполнялось шестнадцать. Отмечали за городом, в каком-то номенклатурном профилактории, где мать Козуба работала администратором. Зимой там никого не было, кроме двух сторожей, которым мы проставились литром самогона, сардинами и тушенкой. За это нам отдали в полное распоряжение целый этаж одного из корпусов и связку ключей от номеров – двух- и четырехместных, причем с постельным набором. В просторном холле был телевизор, магнитофон и две больших колонки к нему, одним словом, место оказалось шикарным – все, как и обещал Козуб.

Поехали, конечно, всей компанией, ну и Лысый взял свою губастую Марину – «Соси Лорен», как за глаза называли ее Лещ и Борман...

Водки было мало, до этого мы обегали весь район, но смогли затариться только «Горькой стрелецкой настойкой» – пойлом в тридцать пять оборотов, на поверку оказавшимися злее сорока водочных. Кроме того, был еще самогон. Всю еду мы привезли с собой: оливье, селедку под шубой, колбасу, консервы рыбные и мясные, хлеб. Козуб прихватил пару трехлитровых банок с компотом и томатным соком.

Вручали имениннику подарки. Лично я подарил металлистскую кожаную перчатку без пальцев, украшенную стальными шипами. Выглядела перчатка очень агрессивно. Я снял ее в декабре с какого-то неформала после рок-концерта в ДК строителей. Отбившийся от своего кожного стада неформал был совсем не воинственным, в отличие от перчатки. А сам концерт мне в принципе понравился – и атмосфера, и публика. Я раньше и представить не мог, чтобы

зрители танцевали у сцены, размахивали руками. Случился, помню, смешной эпизод: у патлатого в очках солиста неожиданно отцепился гитарный ремень, так что его акустическая гитара звучно стукнулась об пол, и в зале кто-то сказал: «О, страдивари поломали!» – в это время как раз по телевизору шел многосерийный фильм «Визит к Минотавру», – и все вспомнили про скрипки и засмеялись. Мне даже показалось, что эту группу на сцене больше всерьез никто не воспринимал, хотя они и пели что-то гражданско-продвинутое: «Новое время не терпит соплей! Новое время тара-та-та-та» – забыл...

Тоша вручил Козубу выкидной ножик – он всегда, если что, дарил ножик, благо у него их была куча. Куля – чистую кассету «Sony», Шева – болгарскую зажигалку, Паша Конь – пластинку: на одной стороне «Наутилус», на другой – «Бригада С». Боня подарил Козубу фотографии с приемами карате – отснятые страницы с дерущимися фигурками, Тренер – плакат: смерть в фашистской каске и мантии с топором выходит из клубов дыма, а внизу надпись «Kiss». Шайба подарил набор одноразовых бритв, и Лысый посмеялся, что зачем, Козуб вполне еще сможет побриться вафельным полотенцем. Козуб спросил, это как, Лысый принес из номера полотенце, обернул им подбородок Козуба, а потом резко дернул, так что чуть кожу ему не сорвал – это была такая шутка, Козуб обиделся и несколько минут гонялся за улюлюкающим Лысым вокруг стола и по коридору. Сам Лысый подарил колоду порнографических карт – черно-белые парнашки. Правда, сразу предупредил, что колода не полная, не хватает пары карт, и прибавил: «Но ведь ты же не собираешься в дурака играть! Правильно?»

Поначалу было радостно. Пили за Козуба, за родителей, за «мульттики», за Бормана и Леща. Громко слушали «Машину времени», подпевали, танцевали, дурачились под советскую эстраду, орали как сумасшедшие: «А-а-а-ппп! И тигры Боярского съели! А-а-а-ппп! И струны из жопы торчат!» Лысый вскакивал и тряс стол так, что падали бутылки, и кричал, что это Спитак, землетрясение в Армении, и мы смеялись. Затем Козуб достал свои подарочные карты, мы сели играть в тысячу, но партия быстро заглохла, потому что все больше разглядывали фотки.

Семерка трэф своим кукольным личиком была очень похожа на Наташу Новикову. Эта другая, взрослая, но все равно Новикова сидела, расставив согнутые ноги в сетчатых чулках. На ней была короткая майка-тельняшка, чуть сползшая с плеча, так, чтобы обнажить одну грудь. Пальцами правой руки «семерка» раздвигала кудряшки на лобке, и при этом ничего толком видно не было, один тусклый расфокус, а указательный палец левой руки «семерка» сунула в рот. Эту карту я, каюсь, под шумок припрятал. Впрочем, так поступил не я один. Козуб на следующий день ругался, что вот, сволочи, треть колоды своровали!

Раньше всех напился Шева. Я отлично помню, как ему за столом рассказывал Куля:

– Знаешь, что телкам поет кукушка? В пятнадцать лет: «Никому, никому, никому», в шестнадцать: «Одному, одному, одному», в восемнадцать: «И тому, и тому, и тому», в двадцать: «Кому?! Кому?! Кому?!» Шутку понял?

Шева смеялся: «Кому, кому! Понял!» – и так кивал, что казалось, у него отвалится голова. Когда мы вышли на крыльцо курить, я, зачарованный первым хмелем, наблюдал, как Шева палит расческу. Едкая пластмасса капала и чадила приторным, травяным запахом, какой бывает в церкви. А Шева гудел, изображая одновременно мотор самолета и рев падающих фугасов, и увлеченно бомбил коптящими каплями какие-то пятна на ступенях. Потом я замерз и вернулся в дом.

В коридоре Козуб точно заведенный щелкал своей выкидушкой, рядом с ним стояли Лысый, Боня и Паша Конь. Боня говорил:

– Знаешь, у чурок, у зверей всяких, так заведено – есть специальный нож исключительно на человека. Им колбасу не режут, только в кармане носят для случая. Я считаю, это правильно.

– Ну, а мы-то не звери, – возражал Лысый. – Можно и колбасу порезать. Сало там, хлебушек.

– А по-моему, нож носить вообще глупо, – сказал Паша Конь. – Ты же все равно засышь его доставать – уголовное дело. Тюрьма... – Тут он увидел меня: – Вот у Рэмбо спросите, нужен нож или нет?

Я отделался фразой, которую когда-то слышал от Бормана:

– Пусть лучше трое судят, чем четверо несут! – и оставил их спорить.

– Золотые слова! – сказал мне вслед Козуб и клацнул ножиком. Где-то крикнул Куля: – Светка, плесни компотику!

Как-то резко закончилась в магнитофоне кассета. Я вдруг поймал себя на мысли, что сижу на стуле и роняю под ноги тягучие плевки. Стол опустел. Все куда-то разбрелись. За спиной раздавались мерные водопроводные звуки. Это шел Шева и на ходу рыгал какими-то одинаковыми, словно их отмерили половником, порциями. Я такого еще не видел.

Я плеснул себе в стакан немного «стрелецкой» и разбавил горечь остатками компота. Потом вытащил украденную карту с семеркой и за минуту разглядывания так распалился, что чуть ли не бегом рванул на поиски Ани.

По коридору плелся из сортира Шайба. Видимо, ему было нехорошо, ворот его рубашки был мокрый, и на подбородке блестела густая, как жир, слюна. Я спросил про Аньку. Он сказал, что она с Козубом пошла на второй этаж, и вызвался проводить. Мы пробовали одну за другой двери, они были закрыты. Третья или четвертая отворилась.

– Вот они, – пьяно обрадовался Шайба. – Парочка – Абрам и Сарочка... – Шайба засмеялся и вывалился в коридор. Я услышал на лестнице его удаляющиеся шаги.

Козуб безмятежно спал. Аня сидела бесстыдно, как «семерка треф», и раскладывала пасьянс из парнашек прямо между раздвинутых голых ног.

– Герман, ты озабоченный? – язвительно спросила Аня. Она даже не подумала прикрыться или сдвинуть колени. – Интересно? Все рассмотрел?

То, что я увидел, было похоже на оплавленную расческу, ту самую, которую жег пьяный Шева – коричневые лепестки, наверняка пахнущие химическим ладаном. На какой-то момент мне показалось, что черный расфокус у «семерки» лучше, чем этот бесстыдный коричнево-оплавленный пигмент. И еще мне было очень горько. Напрасно я говорил себе, что ревновать глупо, что Аня никогда не считалась моей девушкой. Она всегда была, в известном смысле, общей. Я все это понимал, но боль не отпускала, точно у меня из сердца рос саженец, который кто-то пытался с корнем выдернуть.

Аня вдруг догадалась, что я чувствую.

– Обиделся? – ласково поинтересовалась она. – Зря. У него, – она посмотрела на Козуба, – все-таки день рождения. Вот у тебя когда день рождения будет... – начала Аня, но ее перебил внезапно появившийся Шайба:

– Пошли, быстро! – Шайба потянул меня за рукав. – Там это, карусель...

– Что? – не понял я.

– Светка дает сеанс одновременной игры! – пояснила Аня. – Иди, иди, пока она добрая, – сказала и вернулась к своему пасьянсу. Я же поплелся за Шайбой.

В коридоре курили и гоготали Куля, Тоша, Паша Конь и Тренер.

– О, вот и Рэмбо, первая кровь. – Куля кивнул на дверь номера. – Подожди малехо, там шас Бонька старается.

– Уж так старается! – подхватил Тоша. – Аж штаны до полжопы сползли!

– Кое-кому рекомендую в щелочку подсмотреть, – сказал Куля, – чтоб заранее встал! Чтоб как у волка на морозе стоял! – Тут он оттопырил согнутую в локте руку со сжатым кулаком – известный похабный жест, одновременно имитируя металлический звук, будто выпрямилась тугая пружина. – Бдяум! – прогудел Куля, пацаны засмеялись, а Паша Конь чуть открыл дверь.

В сумрак номера сразу врезался тонкий полупрозрачный ломоть света и чуть проявил кровать. Там, между расставленных Светкиных ног, смешно прыгала толстая белая жаба. Она существовала отдельно от спины в задранном свитере, от взлохмаченной Бониной головы, безвольных ног, словно Боне до того перебили позвоночник.

– Э, але! – Голова чуть повернулась. – Дверь закрыли!

Света стеснительно посмотрела на меня из-за плеча Бони:

– Не понимаю, что оно вам дает...

Я закрыл дверь.

– Кто следующий? Рэмбо, ты пойдешь? Или Шайба?

– Пусть он, – предложил Шайба.

Боня через пару минут вышел, застегивая ремень. Штаны возле ширинки были полностью угвазданы белыми разводами.

– Ну, че? – подмигнул Тренер.

– Как обычно. – Боня приосанился. – Две палки, не вынимая!

– Рэмбо, твоя очередь, – подтолкнул Куля, и я зашел в номер.

Света стояла раскорячась и вытирала между ног уголком простыни:

– Да сколько же вас, а?! – Она снова легла на спину, раздвинув согнутые ноги, как роженица. – Давай по-быстренькому, – шепнула Света. – И кончай в меня, разрешаю, я по-любому после вас пойду подмываться...

Не пойму почему, но это «подмываться» подействовало на меня возбуждающе – в нем ощущался какой-то плеск мыльной воды, рука с маникюром и промежность. Я тотчас же кончил. Только для вида еще поелозил на Светке минуту. Потом с каким-то холодным, бесчувственным любопытством потрогал Светкины «мультитики» – белые большие полушария с крупными, как мизинцы на ногах, сосками. Вокруг «мизинцев» торчали редкие длинные волоски. Стало неприятно.

– Их это... выдрать надо, – сказал я, складывая пальцы пинцетом.

– Я тебе выдеру! Кое-что! – недовольно отозвалась Света и ударила меня по руке. – А теперь слась быстро! Не нравится ему! Хера теперь получишь...

Когда отстрелялся Шайба, Света пошла в душ, а мы всей толпой сели за стол и допили «горькую стрелецкую». Из закуски оставались лишь маринованные кальмары. Всю эту смесь заполировали самогоном, после чего мир настолько накренился, что едва держался на ногах. Мелкими шажками, вдоль стеночки, я кое-как добрался до кровати.

Заснуть не удалось. Едва я прилег, налетели пьяные пропеллеры. От муторных тошных виражей захватывало дух. На соседней кровати прорвало Боню. Он блевал, повернувшись на бок, не вставая, как раненый. Вслед за ним вырвало Тренера. Паша Конь стащил наволочку и рыгал в нее. У меня мелькнула мысль добежать до умывальника, но кислый запах чужой рвоты подстегнул рефлекс, и я просто свесился с кровати, чтоб не пачкать постель...

Наступило утро горько-стрелецкой казни – чудовищное коллективное похмелье, одно на всех.

Насвинячили не только мы. Соседний четырехместник тоже оказался заблеван. А в коридоре еще раньше постарался Шева – весь пол был в подсохших лепешках. Козуб с больной головой, охреневший от такого невиданного разгрома, крыл нас на каждом шагу матом, ведь отчитываться перед сторожами предстояло ему, а те уж наверняка нажаловались бы его матери...

Вскоре выяснилось, что никто не хочет убирать. Лысый кричал, что он с Мариной вообще ни при чем, и это была правда – они не мусорили. Куля хотел припрячь на это дело Аню и Свету, но девчонки ответили, что согласны прибрать со стола, а подтирать, как сказала Аня, «чужую рыгачку» они не собираются. Козуб то бесновался, то совестил нас. Мы и сами понимали, что надо бы взяться за уборку, но без подручных средств – тряпок, совков – всем было запаadlo.

Время шло, мы вяло переругивались, потом Козуб опомнился и раздобыл две лопаты для чистки снега. Этими лопатами мы сгребали лепешки и выбрасывали в открытые окна – комнаты все равно необходимо было проветрить, дух там стоял ужасающий. Снаружи мы для маскировки присыпали блевотину снежком, хотя Тоша и говорил, что пусть лучше расклюют вороны, ведь им тоже жрать надо. И всю обратную дорогу в электричке мы донимали Тошу, что он «юннат», шутили, что вороны, наклевавшись пьяной каши из кальмаров со «стрелецкой», будут криво летать, с веток падать... В общем, возвращались более или менее весело. Так мы отметили день рождения Козуба. Это была суббота, а в воскресенье мы снова вышли на промысел.

С февраля школа ушла на самый дальний план. Одноклассники казались мне сущими детьми, огорчающимися из-за оценок, передающими какие-то записочки – пятнадцатилетние лбы! Учился я спустя рукава. С гуманитарными предметами как-то справлялся сам, а для алгебры, геометрии и физики вовремя приспособил сидящего за соседней партой Илью Лившица. Его не особо любили в классе за язвительность и самомнение. И еще дразнили, потому что у него уже росли усы – не реденькие, подростковые, а черной густой щеткой.

Где-то в ноябре я подошел к Лившицу и сказал:

– Лившиц, если тебя кто обижать будет – сразу говори мне. И на улице вдруг проблемы какие возникнут – отвечай, что Рэмбо знаешь...

И Лившиц без лишних намеков все понял. У нас обычно всегда совпадал с ним вариант, Лившиц сначала решал задания, потом передавал мне черновик минут за пятнадцать до звонка. Этого вполне хватало на четверку. Так что с грехом пополам учеба двигалась. Однажды, правда, Лившиц взбрыкнул. Как на грех, он попался каким-то посторонним пацанам, покладисто доложил, что «знает Рэмбо», но пацаны-то были чужие и решили, что Лившиц просто издевается, говорит о персонаже из фильма. В общем, у Лившица деньги отобрали.

Прагматичный Лившиц на следующей контрольной по алгебре помощь урезал. Когда я стал его дергать, он зашипел, что не успевает сделать свой вариант, и только за десять минут до конца урока передал мне всего два задания, которых впритык хватило на тройку. Я ничего ему не сказал, но решил пошутить. Поговорил с Лысым и Шайбой, и они подстерегли Лившица возле школы.

Лысый, сдерживая смех, строго спросил Лившица:

– Национальность? – Тот стушевался и пробормотал:

– Русский...

Вмешался Шайба и несильно ткнул Лившица кулаком в грудь. И тут как бы невзначай, эдаким Трубадуром из-за поворота появился я со словами:

– Пацаны, а че это вы моего дружбана Илюху обижаете? Не надо... – Затем с укоризной повернулся к Лившицу: – Я же тебе говорил, Илья, если что, говори: «Я Рэмбо знаю, это мой кореш, я ему контрольные решаю»... Все ты, Илюха, забыл! Ну, ладно, иди домой, не бойся...

После такой профилактики с Лившицем проблем больше не возникало. Ну, а по всяким глупым предметам типа истории, биологии, химии и английского у нас все равно меньше тройки никому не ставили. Трояк по географии – наша классная Галина Аркадьевна не простила мне Алферова – меня не волновал. А двойки бы она все равно не вlepила, чтоб не портить успеваемость по классу. По русскому языку и литературе у меня были крепкие четверки, а единственная пятерка – по физкультуре.

Родители в какой-то степени махнули на меня рукой. Даже перед сном они уже шептались не о моей успеваемости, а все больше о Горбачеве, академике Абалкине, кооперативах. Я сознавал, как отдалился от семьи. Ничего толком не рассказывал, на все расспросы отделывался дежурным «нормально», произнесенным чуть раздраженным тоном. Однажды от такого

особо резкого «нормально» у мамы задрожал подбородок. Вместе с уколом стыда я вдруг испытал прилив неожиданной злобы – за этот мой нечаянный стыд.

Особенно я почувствовал духовную дистанцию, когда меня потащили в гости к новым родительским знакомым. Я до последнего сопротивлялся – была суббота, меня ждали пацаны и наша работа, но отбиться не получилось. В метро, стоя рядом с ними, я боролся с незнакомым мне раньше чувством неловкости за родителей. Мама казалась жалкой и смешной в своем белом берете из ангорки, с нелепой авоськой, в которой покачивалось завернутое в бумагу блюдо с пирогом. Меня колотило от злости, когда папа, присаживаясь на лавку, обеими руками подбирал полы своего пальто, будто собирался срать, а не сидеть. Я специально отошел от них, а они, не понимая моего состояния, на весь вагон кричали то «Герман», то «сын», пытались поправить шарф, вынуждая грубить и стыдиться самого себя – ужасная поездка.

Что было еще... Мы не забывали про Бормана, навещали в больнице, приносили гостинцы, рассказывали о наших успехах, но он, по-моему, плохо воспринимал обращенную к нему речь. Иногда мы заставляли там его мать – красивую, хорошо одетую женщину. Она всегда благодарила нас за гостинцы, но смотрела со скрытой горечью, так, словно это мы были виноваты, что ее Борман – неподвижный овощ.

На двадцать третье февраля был поставлен новый рекорд по «мульттикам» – сто шестьдесят рублей. Аня распахивала свою шикарную дубленку и говорила: «Мужчина, с праздником!» – и ей щедро совали деньги, правда иногда лезли пощупать, но за прикосновение мы снимали с нахала дополнительную плату в размере одного тарифа.

В принципе, это было очень веселое время. Куля и Лысый называли Свету и Аню ударниками порнографического труда, шутили, что наши бригады устроят социалистическое соревнование, возьмут новые обязательства и перевыполнят план.

Сбои случались, но были нечастыми. Несколько раз попадались героини, которые отказывались платить, возмущались: «Что за безобразия! Хулиганы! Надо вызвать милицию!» – таких приходилось усмирять, но без особого членовредительства.

Как-то нам повстречался какой-то молодцеватый дедушка, ветеран войны. Аня хотела отшутиться, сказала, что у нас для ветеранов ВОВ скидка, но дед, как дурак, поднял крик, принялся стыдить нас, обозвал Аню проституткой и рванул к ней с пощечиной. Тоша с разворота залепил ему в скулу, и дед упал, пришепывая: «Подонки, подонки...»

На третьем этаже раскрылась форточка, и какая-то тетка, взобравшись с ногами на подоконник, закричала, что все видела и вызовет милицию. Мы побежали прочь, поругивая Тошу за несдержанность. Одно дело – добровольно отданный червонец, и совсем другое – битый ветеран. Сознательный дед наверняка, едва очухался, поперся в отделение и накатал заяву.

Очередной финансовый рекорд пришелся на Восьмое марта. Собрали без малого двести рублей. Пожалуй, это был самый легкий вечер, все клиенты поздравляли нашу Аню с Международным женским днем и не скупились на вознаграждение. А уже через неделю нагрянула беда, изменившая всю мою последующую жизнь.

Мы рассчитывали в тот вечер на обычный субботний улов, вышли в половине шестого, решив прошвырнуться по самым «рыбным местам» в старом центре – среди подворотен малоэтажных купеческих улочек. С погодой не повезло. В начале марта была оттепель, а к середине снова ударил мороз, и город превратился в каток. Чертыхаясь, мы шли вереницей по узким песчаным тропам вдоль тротуаров, проклинали нерадивых дворников и гололед.

Начиналось все не так уж и плохо. Остановили какого-то едва стоящего на ногах лове- ласа с букетом цветов – он летел к своей зазнобе на хмельном автопилоте. Аня распахнула дубленку, но это был случай, когда нельзя было сказать с уверенностью, что нетрезвый клиент

действительно «видел». Сказали: «Плати», – он покладисто вытряхнул содержимое кошелька на землю: всего шесть рублей с мелочью. Тоша сноровисто обыскал его карманы, но не нашел больше ни копейки. С досады мы тормознули двух немолодых дядек – это было против техники безопасности, потрошили только одиночки. Но «двойня» благополучно сошла нам с рук. Аня показала сиськи, дядьки стушевались, но не оробели. С них, чтобы не будить лихо, мы сняли по пятерке с носа, в итоге получилась десятка, как с одного полноценного зрителя.

Потом даже эта сомнительная удача отвернулась. Повстречался одинокий щуплый хач, бредущий с центрального рынка. Этот удивил с первых же секунд. Едва увидев Анькину грудь, хач бросился наутек, причем настолько быстро, что сразу стало ясно, что за ним не угнаться. Такого еще не было. Мы предпочли отнести это к курьезам и издержкам работы...

Мы шлялись битый час по темным переулкам, и никто не попался нам на пути. Аня капризничала, мол, как же так – всего шестнадцать рублей! Куля психовал, что в этот момент Лысый наверняка работает по полной субботней программе. Но что мы могли сделать, если прохождение из-за гололеда точно вымерли?!

Тогда и нарисовался этот чахлый аспирант или кто он там был – узкоплечий доходяга в вязаной шапке с помпоном, в синей болоньевой курточке, кургузых штанах, с кожаной папкой под мышкой. Может, он и не был аспирантом, просто выглядел, словно какой-то кислый ботаник, не нормальный школьный учитель, а подавала на институтской кафедре. Мы его вообще сперва приняли за подростка, но потом он повернулся, и мы увидели, что это уже взрослый дядя, правда, очень смешной: роговые очки, кудрявые волосы, одинаково длинные нос и подбородок, которые можно было без ущерба для внешности поменять местами.

Чахлый вначале страшно перепугался, затем полез в кармашек и вытащил мятую трешку.

В другое время мы бы взяли эту трешку и, дав аспиранту под зад, благополучно отпустили, но скользотень и загадочная непруха здорово подпортили всем настроение.

– Это, что ли, все, падла? – ощерился Куля. – Я не понял? Это все?

– Честное слово... – детским голоском промямлил «аспирант». – Больше ни копейки. Точнее осталось пять копеек на метро. – Он продемонстрировал грязный, точно картофельный очисток, пятак.

Куля брезгливо обшарил аспиранта и вдруг как фокусник выудил из кармана его куртки железный рубль, загадочно лунный, будто древняя монета. Даже Ленин в профиль напоминал какого-то позабытого императора.

– Слово у тебя свинячье! – прошипел Куля и двинул «аспиранта» по лицу, тот, всхлипнув, упал, словно его сразил грузовик, хотя я отлично видел, что Куля бил осторожно, в четверть силы.

Тоша предложил:

– А давайте этого брехуна вообще на хер тут уьем! – и несильно пнул «аспиранта» ботинком в бок. Тот неожиданно зарыдал, и нам всем стало неловко и как-то стыдно, что взрослый человек плачет навзрыд, как первоклашка.

– Опера Чайковского «Ссыкунчик»! – гоготнул Шайба.

– И куда же нормальные мужики подевались? – вздохнула Аня. – Одна хрень какая-то...

– Если так будет продолжаться, – пробухтел Козуб, – то Лысый точно нас задрочит. Надо в парке попробовать, где «Кристалл».

– Там сейчас должно быть достаточно народу, – поддержал Козуба Тоша и сунул еще дымящий окурок в подвешенную к ветке кормушку из треугольного кефирного пакетика. – Надо крошки птичкам подогреть...

– Ладно, двинули, – скомандовал Куля, и мы, хмурые и озлобленные, оставили скулящего на земле «аспиранта» и пошли в сторону проспекта Ленина.

Козуб предлагал дело. Раньше в укромных парковых аллеях с тусклыми фонарями нам уже удавалось обработать подвыпивших посетителей «Кристалла». Но подозреваю, что именно эта «мысль вслух» куда податься и погубила нас.

Через пару минут Куля глянул на часы:

– Десять минут восьмого. А может, вернемся к Чеховскому? А если не выгорит, тогда в парк...

Два переулка – Чеховский и Васнецовский – были вполне прибыльными местами. В замечательных проходных дворах с глухими без окон стенами было удобно устраивать засады, и желающие срезать с проспекта Ленина на улицу Доватора не переводились.

Мы свернули на Дзержинского, издавек я видел, как две аварийные машины с подъемными люльками сноровисто разбирают городскую ель – зимний сезон официально закончился.

Народу в тот час было немного. Мимо нас прошли три семейные пары, несколько теток с букетами мимоз, протопали курсанты из Летной академии, повстречались несколько старух с детьми. Вдалеке мелькал бегущими огоньками машин бульвар имени Конева.

Сзади послышался шум мотора, из подворотни выкатил и остановился милицейский «бобик». Сердце тревожно дернулось. Я сообщил нашим:

– Менты...

Куля пожал плечами:

– Ну, менты. И что теперь?

Мы остановились возле арки пятиэтажного дома, с которой начинался Васнецовский переулок.

– Хер с ним, – сказал Куля, заглянув в тускло освещенную арку. – Идем лучше в парк, от греха подальше...

Прошли еще метров сто. От сверкающей ледяной корки тротуара отразились длинные радужные лучи фар. Я опять обернулся: за нами ползла уже ментовская «пятерка», а «бобик» отстал.

– Пацаны, – сказал я, – снова...

– Не ссы, – прошептал Куля, – мигалка не включена... Подумаешь, едут по своим делам мусора...

Он ошибался. «Жигули» обогнали нас, чуть заехали колесом на тротуар.

– Не дергаться, – приказал Куля сквозь зубы. – Суббота, выходной, мы просто гуляем...

Из «пятерки» грузно вывалился жирный усатый мент и сказал:

– Ребята, погодите!..

– А что случилось? – вежливо осведомился Куля.

И тут приоткрылась первая дверь – рядом с водителем. Выглянул чахлый «аспирант», ткнул пальцем:

– Это они! Они! – прокричал писклявым, как у лилипута, голоском. – Это их девушка! – Он указал на Аню и нырком спрятался в машину.

– Тикаем! – скомандовал Куля, и мы побежали обратно по Дзержинской.

– Стоять! – крикнул жирный мент. – Ни с места! – и дернул за нами. Из задней двери выкарабкался второй мент и присоединился к жирному. В «Жигулях» рыкнул мотор, водила стал спешно разворачиваться.

Скользкий, будто каток, тротуар превращался в настоящую пытку. Мы бежали, расставив широко ноги, чтобы не поскользнуться. Особенно трудно приходилось Ане – она сдуру напялила сапоги с каблуками. Единственно, лед создал такую же проблему и для погони. Менты пару раз уже распластались.

Показалась спасительная арка Васнецовского переулка. Внезапно где-то впереди яркими сполохами ударили фары «бобика». Из него выскочили еще четыре мента и ринулись нам навстречу.

– Разбегаемся... – выдохнул Куля.

– Я не смогу дворами, – простонала, задыхаясь, Аня. – Там такие колдобины, я ноги переломаю...

В арку юркнули Тоша, Шайба и Козуб.

– На Аллею Героев, – определился Куля. Он схватил Аню под руку. Я оглянулся и увидел, что трое ментов из «бобика» побежали за пацанами, а четвертый присоединился к нашим преследователям.

Я легко мог скрыться, но чувство товарищества не позволяло мне так вот бросить на произвол судьбы неуклюжих, спотыкающихся Кулю и Аню. Один раз они вдвоем рухнули, матерясь, и мне пришлось помогать им подняться. Менты настигали.

Началась Аллея Героев – большой кустистый сквер с памятниками героям Краснодона. Куля заволок Аню на промерзший газон, где вроде было уже не так скользко. Там Куля отпустил ее руку и со всех ног припустил куда-то влево, за деревья. Менты тоже разделились, двое свернули за Кулей как за главным, а жирный мент, оценив, что меня ему не догнать, кинулся к Ане. Она бежала ужасающе медленно, будто в кошмарном вязнущем сне. На это невозможно было смотреть. Мент тоже был какой-то замедленный, перемещался, точно канатоходец, балансируя руками, но все равно неумолимо настигал ее.

Аня вдруг остановилась, и я догадался, что она от страха выдохлась. Мент рванулся к ней, зацепился за корень ботинком и рухнул, так что с головы слетела ушанка. Лежа на пузе, он поймал полу дубленки с криком:

– Попалась, красавица!

Аня взвизгнула. Я в два прыжка подскочил к упавшему менту и с разбегу заехал ногой ему по ребрам, но и сам поскользнулся от удара. Мент от неожиданности выпустил Аню. Я, барахтаясь на спине, двинул ногой ему по роже и крикнул Ане:

– Беги, что уставилась! – Она, наконец, поняла, что от нее требуется, и потрусилась вперед по газону.

– Ах ты, падлючонок! – Жирный мент перевернулся, подполз на четвереньках и попытался схватить меня за ногу, я взбрыкнул, приложил каблуком ему в лоб. Мент охнул.

Аня уже скрылась за памятником Кошевому, в последний раз мелькнул и пропал рыжий бок ее дубленки.

Я вскочил и побежал по аллее влево. Наперез мне понеслись двое ментов, упустивших Кулю.

– Держите его! – заорал жирный. – Не дайте ему уйти!

Я вильнул в сторону, выскочил на тротуар. Улица была мне незнакома. Я видел, как за мной галопом мчались два более притких мента, за ними, похожий на пингвина, поспешал жирный. Вдалеке, рассекая темень фарами, катила ментовская «пятерка».

Мне удалось оторваться от погони. Какой-то немолодой прохожий вздумал помочь ментам, встал поперек тротуара, как вратарь. Я отчаянно крикнул:

– Порежу, гад! – и он тут же посторонился.

Из ближней подворотни выкатилась загулявшая компания. Не знаю, почему, но я решил, что двор проходной, нырнул туда и очутился в каменном мешке. Вместо обычных подъездов, где так легко спрятаться, были одни крылечки с запертыми входными дверями – я проверил каждую. В панике кружил я по внутреннему дворику, но прохода нигде не нашлось. Еще не веря в случившееся, я побежал вон из западни, в которую сам же себя и загнал, но уже в подворотне увидел двух ментов, за ними жирного с собачьей одышкой, квадратные желтые фары «пятерки» и, холодея, понял, что попался.

Один из ментов стал демонстративно расстегивать кобуру:

– Стой, или стрелять буду!

Ко мне приблизился жирный мент. В одной руке он сжимал снег и по очереди холодил им то скулу, то лоб. Свободной рукой он резко толкнул меня, так что я отлетел к стенке, стукнувшись затылком. В голову сразу плеснуло тошной мутью от сотрясения, словно я плашмя упал на спину. Второй мент с усами подковой сделал жирному замечание:

– С ума сошел? Это ж пацан. Зашибешь еще, а потом отвечай...

– Он, сука, меня дважды ногой по лицу двинул! – капризно сказал жирный, но больше не дрался, а поднял меня и прислонил к стене.

Я сделал вид, что мне очень больно, притворно, без слез, захныкал, вспоминая интонации из фильмов про беспризорников:

– Ай, дяденька милиционер, за что вы меня бьете? Я ничего не сделал, я домой к маме и папе шел!

– Перестань кривляться! – строго сказал худой мент с погонами старшего лейтенанта. – Мы все видели твои геройства, и нечего теперь из себя целку-пионера строить... Сухомлинов! – приказал он жирному менту. – Отведи задержанного в машину! – И меня, будто настоящего преступника, повели к «Жигулям».

Особенно было неприятно видеть пялящихся прохожих. Я представлял, как потом они придут домой и расскажут домочадцам: вот шли мы, а на наших глазах малолетнего бандита обезвредили...

Из «пятерки» выполз тщедушный «аспирантишка» и торопливо сообщил старлею:

– Про «мультитики» спрашивал и бил меня другой, который постарше, высокий. Но этот хулиган был с ними, я его отлично запомнил!

Я в ответ улыбнулся:

– Тебя, гниду, я тоже отлично запомню!

– Вы слышали?! – плаксиво вскричал аспирант. – Меня грозят убить!

Старлей отвесил мне перчаткой легкий тряпичный подзатыльник:

– А ну заткнись!

– А чего он врет, товарищ милиционер?! – вскинулся я. – Клевещет на невинного человека!

– Это мы после разберемся, кто и в чем виноват, – сказал старлей. – Садись в машину... А вас, – обратился он к «аспиранту», – мы еще вызовем, если понадобится...

– Я теперь опасаясь за свою жизнь, – проскулил «аспирант». – А вдруг дружки этого уголовника меня найдут?..

– Правильно, гнида, бойся! – сказал я. – Нечего на порядочных людей наговаривать!

Старлей плоско улыбнулся аспиранту:

– Мне кажется, ваши опасения преждевременны... Вы свободны, спасибо за помощь...

«Аспирант» угодливо кивнул и откланялся.

Меня наскоро обыскали. Уже когда рука жирного Сухомлинова скользила по моим карманам, я вспомнил про пожарный вентиль, который таскал с собой в последнее время.

Раздалось торжествующее:

– А что это у нас здесь?! Оп-па! – и Сухомлинов с видом фокусника извлек из кармана злополучный вентиль. – Кастетик у нас самодельный! Товарищ старший лейтенант! Холодное оружие!

– Да какой это кастет? – проклиная свою забывчивость, поспешно возразил я. – Это ж от пожарного крана! Я на улице нашел!

– Экспертиза проверит. – Сухомлинов опустил вентиль в полиэтиленовый пакет. – Давай садись...

Справа от меня плюхнулся жирный Сухомлинов, с другого бока подпер мент Усы Подковой, тот, что за меня заступился. Старлей уселся спереди рядом с водителем. Машина тронулась.

Сухомлинов чуть повозился, пристраивая зад на тесном сиденье:

– Это ведь чего только шпана не выдумает, а? – Он цокнул языком. – С голой бабой ходить! Да...

У старлея на поргупее зашипела рация, трескучий голос спросил из динамика:

– Как успехи?

– Погано! – буркнул старлей. – Разбежались, как тараканы. Но одного взяли. Пацан. С виду лет четырнадцать...

– А девку тоже упустили?

– Увы...

– Раззявы! – хрипнул голос.

– Ну, извините, – обиделся старлей. – Надо было два наряда высылать...

Из услышанного следовало, что попался только я. Остальным, в том числе и Аньке, удалось сбежать. С души точно скатился тяжеленный валун. Теперь против меня были лишь показания чахлого «аспиранта». Мы его по настоящему-то и не били, значит, побои он не предъявит. Про отнятые три рубля и Анькины «мультитики» еще доказать надо. Плохо, что забыл выбросить вентиль – так ведь это же не настоящий кастет. Но была погоня и битая скула Сухомлинова... Я украдкой посмотрел на него. Жирный выглядел вполне добродушно – может, и простит, не станет устраивать истерик за нанесение при исполнении служебных...

Я чуть успокоился. Было, конечно, обидно, что именно меня угораздило попасться, но с другой стороны, я сознавал, что совершил в каком-то смысле подвиг, ценой своей свободы спас друзей. Я чувствовал себя героем-партизаном в плену у полицаев.

– И что, много денег зашибали? – добродушно спросил меня Усы Подковой и по-приятельски толкнул локтем.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – отозвался я ноющим голосом. – Меня мама дома ждет...

– Ага, – веселясь, сказал водила старлею. – Такого бандюгана небось уже баба дома ждет, а не мама!

Менты заулыбались. В машине они не казались страшными, а выглядели как обычные дворовые дядьки, что по вечерам забивают «козла».

– Я не бандит, я в восьмом классе учусь. Дяденьки милиционеры, отвезите меня домой! Мама очень волнуется!

– Твой дом – тюрьма! – вдруг сказал Усы Подковой голосом актера Папанова. Менты грянули заразительным смехом.

Ободренный их весельем, я продолжал:

– За что в тюрьму?! Я ничего плохого не сделал! Вы что, поверили этому странному гражданину в шапке с помпоном? Он все врет. Отпустите меня!

– С дружками людей грабил? – Старлей загнул палец. – Грабил. И не просто, – он загнул второй палец, – а с особым цинизмом!

На этих словах Усы Подковой изобразил руками перед собой два пышных женских объема. Водила аж захрюкал от смеха.

– И еще прибавь ношение и наверняка применение холодного орудия. – Сухомлинов выразительно хлопнул себя по карману, где лежал злосчастный вентиль.

– Никого я не грабил! – вступился я за себя. – И не было у меня оружия! Я гулял!

– Хорошо так погулял! У одного пожилого ветерана войны вообще от этих фокусов инфаркт случился! – хмыкнул Усы Подковой.

– Не ваших ли рук, пардон, сисек дело?! – саркастично уточнил старлей, и все засмеялись.

– А умер ветеран-то? – с преувеличенной серьезностью спросил Сухомлинов. – Если умер – так на тебе еще и убийство! На полжизни, хлопчик, в колонию загремишь!

– Так что если совсем по-честному, – благодушно улыбнулся старлей, – влип ты, парень, по самое не хочу!

Нет, я понимал, что менты больше шутят и запугивают, но даже разделив эти шуточные угрозы на десять, в остатке я получал серьезные неприятности.

– Как твоя фамилия? – Старлей раскрыл планшетку.

– Иванов... – буркнул я.

– Фамилия? – строго переспросил он.

– Петров...

– В третий раз Сидоровым назовется! – возмутился Сухомлинов.

– Выступает... – произнес торжественным дикторским голосом Усы Подковой, – сионист Пидоров! Извиняюсь, пианист Сидоров!

Салон «пятерки» сотрясло от хохота. Старлей поглядел на меня с хитрой улыбкой:

– Я ведь так и запишу, что «Пидоров». Я не шучу, потом в документах и останется. Вот я тебя сейчас как отвезу в следственный изолятор, проще говоря, в тюрьму, а там с такой-то фамилией – ого-го!..

Водила снова захрюкал, прикрываясь рукавом.

– Лучше сразу настоящую называй... – продолжал старлей. – Что? Пидоров писать? – Он занес ручку. – Ладно, пишу... Пи...до...

– Рымбаев, – поспешно признался я. Конечно, я не был настолько наивным, чтобы поверить, что человека можно так запросто отвезти в тюрьму или записать Пидоровым. Я бы все равно, чуть покуражившись, назвал свою настоящую фамилию. Я только лишний раз поразился, каким простейшим способом меня вынудили говорить правду.

– Рымбаев, – записал старлей. – Чурка, что ли? Шучу... Имя-отчество?

– Герман Александрович.

– Александрович... Год рождения? Домашний адрес? Номер школы? – один за другим сыпались вопросы. Я неохотно отвечал и глядел, как подвешенный к зеркалу на лобовом стекле дергается крохотный скелет-висельник.

Узнав необходимое, старлей захлопнул планшетку и бросил ее в бардачок.

– Ну и куда вы меня везете? – поинтересовался я.

– Насчет тюрьмы – это, разумеется, шутка. А вот в детскую комнату милиции доставить тебя придется. Ну что, Герман, – он усмехнулся, – ты рад? – И менты залиvisto расхохотались. Я понял, что они заранее знали, куда меня везти, только издевались.

– А ты что думал, – похлопал меня по плечу Усы Подковой, – в следственный изолятор повезем? Нет, брат, у тебя дело серьезное. – Он подмигнул. – С особым цинизмом. Такими рецидивистами у нас исключительно Детская комната милиции занимается!

Очевидно, от нервного потрясения на меня снизошла какая-то отвага и губительное чувство юмора. После каждой моей фразы менты буквально покатывались со смеху. Водиле даже пару раз напомнили, чтоб он не ржал, а смотрел на дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.